

**ФГБОУ ВПО «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Самарина Марина Сергеевна

**ФРАНЦИСКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА «НАЧАЛ»
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XIII В.)**

**Специальность 10.01.03. — Литература народов стран зарубежья
(литература народов Европы, Америки, Австралии)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2014

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Попова Мария Константиновна

доктор филологических наук, профессор
ФГОУ ВПО «Воронежский государственный
университет»

Девятайкина Нина Ивановна

доктор исторических наук, профессор ФГОУ
ВПО «Саратовская государственная
консерватория им. Л.В.Собинова»

Фуртай-Проскурина Ирина-Франциска
Викторовна

доктор искусствоведения, профессор АОУ
ВПО «Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Защита состоится «___» _____ 2014 года в 16 часов на заседании совета Д.212.232.26 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, филологический факультет, ауд. 198.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан «___» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

С. Д. Титаренко

Общая характеристика работы

Средневековье, как известно, является особым типом культуры, неким «затонувшим континентом», «Атлантидой культурных представлений», доступ к которой возможен только при решительном расширении круга проблем традиционного литературоведения.

При изучении средневековой литературы исследователь сталкивается, кроме того, и с большим разбросом оценочных составляющих, до сих пор бытующих в научной литературе: это «черная легенда» – негативный образ «мрачного средневековья», созданный просветителями и включающий такие обычные штампы как инквизиция, охота на ведьм, невежество и нетерпимость; или, наоборот, восторженная оценка этой эпохи европейским романтизмом, также основанная на общеизвестных штампах: прекрасные дамы, верные рыцари, таинственный Грааль, мистика монастырей, тайны эзотерических орденов и готических соборов; это и новое представление об этой эпохе – «иное», или «долгое», Средневековье Школы Анналов.

Средневековье – это и особый целостный тип культуры, обладающий единой незыблемой картиной мира, еще не поколебленной ни гелиоцентрической системой Коперника, лишившей землю и человечество центрального положения во Вселенной, ни теорией относительности Эйнштейна, уничтожившей вместе с традиционными понятиями пространства и времени вообще всякое понятие о незыблемости. Это культура, основанная на единственном сакральном тексте Священного Писания, культура, характеризующаяся не только напряженными духовными поисками, доходящими до крайней и иногда болезненной мистики, но и особым «вертикальным менталитетом» и иерархическим сознанием, в особенности период нашего исследования, XII–XIV столетие: Высокое, или «готическое» Средневековье.

В нашей работе мы исследуем один из наиболее любопытных с точки зрения средневекового менталитета пластов религиозной литературы эпохи Высокого Средневековья. Это литература францисканского ордена, возникшая в Италии в эпоху напряженных духовных исканий Дуеченто (т. е. в первую четверть XIII столетия). Она получила дальнейшее развитие в религиозной поэзии, агиографии, проповедях, в эпистолярных текстах, в теологических и естественнонаучных трактатах. Основатель ордена Франциск Ассизский создал ряд произведений, предопределивших пути развития литературы во францисканском ордене; впоследствии сложилась целая литературная традиция, включающая в себя самые различные направления и жанры, которая характеризуется некоей общей «идеологией», особым взглядом на мир и человека, то есть тем, что и носит название «францисканство». Речь идет, прежде всего, о новом для средневекового человека положительном взгляде на вселенную, о радостном восприятии природы, человека и материального мира – чертах, ставших впоследствии характерными для новой культуры Ренессанса. Именно в этом, как мы стремились показать в работе, францисканская литература сыграла важную роль, а средневековый мистик Франциск

Ассизский стал справедливо считаться непосредственным предшественником Возрождения.

Именно францисканские идеи явились определяющими практически во всех проявлениях итальянской литературной традиции XIII столетия, при этом всю разнообразную литературу этого периода объединяет ощущение «францисканской новизны» – вера в то, что с приходом в мир Франциска Ассизского для всего человечества начинается «новая жизнь».

Хронологические рамки нашего исследования – это так называемый период «начал» францисканского движения, то есть от первой четверти XIII века, когда появились первые францисканские тексты, созданные самим основателем движения, до первой четверти XIV столетия, времени, когда в ордене в силу различных причин стали происходить глубокие изменения и первоначальная чистота францисканства оказалась утраченной. Логическое завершение исследуемого периода – значительный «францисканский» пласт дантовского наследия. Данте обращался к Франциску и францисканским образам на протяжении всего творчества – от ранней небольшой повести «Новая жизнь» до колоссальной «Божественной комедии», в которой выведен целый ряд деятелей францисканского движения, а Франциск Ассизский является одним из самых ярких персонажей.

Актуальность исследования. Несмотря на то, что в зарубежной критике имеется значительное количество работ, посвященных различным вопросам францисканства, – не только филологических, но и исторических, философско-теологических, экономических, искусствоведческих, – в отечественном литературоведении насчитывается довольно скромное число исследований в данной области, причем в подавляющем большинстве они относятся к рубежу XIX–XX веков, то есть к Серебряному веку, когда в рамках Петербургской школы медиевистики имел место настоящий всплеск интереса к итальянскому Средневековью. Впоследствии в силу сложившейся в стране социально-политической ситуации Петербургская школа медиевистики была практически уничтожена, а вся религиозная литература оказалась под негласным запретом на несколько десятилетий. В советское время из всей массы средневековой литературы могли изучаться только эпос – как имеющий народное происхождение – и городская литература, благодаря ее антиклерикальной и антифеодальной направленности. Интерес к религиозной литературе возобновился только в конце XX века, когда стали появляться работы об итальянских мистиках (Л. В. Топорова, А. В. Евдокимова). **Степень разработанности** проблемы в отечественной науке, таким образом, на настоящий момент представляется недостаточной. Этим главным образом и определяется **актуальность настоящего исследования**, то есть прежде всего отсутствием в современном литературоведении обобщающей работы по данной теме, тогда как необходимость в ней давно назрела, а также актуальностью решения самих научных проблем, связанных с новой оценкой феномена средневековой культуры.

Объектом исследования выступает литература францисканского ордена на территории Италии за столетний период – от первой четверти XIII в. до

первой четверти XIV в., рассматриваемая в контексте культуры средневековой Европы.

Предметом исследования выступает комплекс литературных памятников данного периода, состоящий из текстов самого Франциска Ассизского (или приписываемых ему) и его ближайших сподвижников; кроме того, мы исследуем и произведения (хроники, трактаты, эпистолярную и проповедническую литературу) авторов, так или иначе связанных с францисканским орденом в указанный период.

Цель диссертационного исследования состоит в синхронном и диахронном описании и анализе возникновения и развития францисканской литературы в рамках культуры Средневековья и, тем самым, в воссоздании и в восстановлении целостной картины этой эпохи. Именно изучение францисканской литературы указанного периода на широком культурно-историческом фоне дает возможность выявить и проследить рождение новых мировоззренческих установок в недрах средневековой картины мира у человека периода Высокого Средневековья.

Общую задачу исследования мы видели в том, чтобы, проследив зарождение и развитие францисканской литературы XIII столетия, дать целостное представление об этом феномене средневековой культуры в контексте социальных и культурных проблем эпохи

Конкретные задачи исследования могут быть сформулированы следующим образом:

1. Проанализировать характерные черты эпохи Высокого Средневековья с упором на специфику ее менталитета и духовных исканий.
2. Исследовать проблемы изучения францисканского письменного наследия с точки зрения специфики средневекового религиозного дискурса.
3. Проанализировать «Гимн творениям» Франциска Ассизского в качестве его программного произведения и определить само понятие францисканской духовности.
4. Рассмотреть францисканские тексты внехудожественного назначения с точки зрения наличия в них художественного элемента.
5. Исследовать образ Франциска Ассизского как персонажа средневековой агиографии.
6. Выявить специфику жанра «цветочной» литературы и ее мировоззренческую составляющую.
7. Установить факторы, приведшие к появлению и развитию во францисканском ордене естественно-научной литературы.
8. Проанализировать причины обращения писателей-францисканцев к апокалиптике и крайней мистике.
9. Рассмотреть францисканскую литературу с точки зрения гендерного вопроса на фоне развития культа женского начала.
10. Проанализировать специфику сюжета путешествия Франциска Ассизского на Восток и исследовать параллели между ранним францисканством и исламской мистикой.

11. Рассмотреть влияние францисканской литературы на другие течения, а именно на литературу доминиканского ордена.

12. Выявить причины обращения Данте Алигьери к францисканскому наследию и проанализировать новое художественное наполнение францисканских образов у Данте.

Материал исследования включает в себя памятники из различных областей письменной культуры, созданные в первой четверти XIII – первой четверти XIV столетия. Как известно, Средневековье не знало жестких границ между художественными текстами (религиозная поэзия) и текстами внехудожественного назначения (проповеди, трактаты, церковные документы); во всех этих текстах, даже в документах папской канцелярии, присутствует значительный художественный элемент. Кроме того, период Дуеченто является эпохой рождения итальянского языка, то есть переходным периодом от латыни к итальянскому, и ещё одной особенностью исследуемого материала является его языковая неоднородность: анализируемые тексты представлены как на средневековой латыни, так и на староитальянском языках. Исследуемый материал классифицируется следующим образом: тексты самого основателя религиозного движения Франциска Ассизского (1182–1226), так называемые *Opuscula*; тексты основательницы женской ветви францисканства Клары Ассизской (1193–1253); агиографический материал о Франциске и Кларе, созданный францисканскими авторами в XIII–XIV столетии; документы папского престола; произведения авторов-францисканцев XIII–XIV столетий; произведения средневековых авторов нефранцисканцев; произведения Данте Алигьери (1265–1321): повесть «Новая жизнь» (80–90-е гг. XIII в.) и поэма «Божественная комедия» (окончена в 1321 г.).

Теоретические и методологические основы исследования логически связаны с его задачами и целью.

Мы проводим наше исследование в рамках системного подхода, используя историко-литературный, сравнительно-исторический и типологический метод на широком культурно-историческом фоне. Подобный комплексный подход совмещает литературоведческий, лингвистический, исторический и культурологический анализ с использованием материала из смежных наук – истории философии, истории религии, истории изобразительных искусств. Заметим в связи с этим, что, по нашему мнению, современное литературоведческое исследование не может не являться одновременно и культурологической работой, тем более, когда речь идет о Средневековье, эпохе специфической и не всегда доступной для изучения с помощью традиционных методов. Наша диссертация представляет собой междисциплинарное исследование, в котором исследуются проблемы филологического, культурологического, историко-религиозного и социологического характера. Основным методом для нас остается классический компаративизм в его широком междисциплинарном понимании, а именно: от литературоведческого, лингвистического и палеографического анализа текста до обращения к религиоведению, искусствоведению, истории социологических учений. Видимо, лишь на этом пути возможно приближение к тому идеалу

«синтеза через анализ», к которому стремится современная медиевистика. Специфика весьма пестрого материала нашего исследования такова, что для его анализа потребовались сведения из истории агиографии и гомилетики, истории становления литературных языков Европы, данные из области культурной повседневности, включая моду и историю манер. Чтобы понять реальное значение дела Франциска для дальнейшего движения мировой культуры, необходимо было погрузиться в атмосферу Крестовых походов, в экзотический мир исламской культуры, в историю миссионерского опыта раннего францисканства, а также в историю фресковой живописи.

Перечисленные аспекты невозможно подвергнуть анализу вне комплексного подхода, и мы настаиваем – при соблюдении филологических приоритетов – на необходимости ориентации на методологические возможности родственных дисциплин.

Наша методология изучения Средневековья основывается главным образом на классических трудах отечественных ученых-медиевистов эпохи Серебряного века. Это в первую очередь исследования петербургской школы медиевистики рубежа XIX–XX столетий: Л. П. Карсавина, И. М. Гревса, В. И. Герье, П. М. Бицилли, С. А. Котляревского, О. А. Добиаш-Рожественской. Методологической основой исследования явились также лучшие методологические достижения зарубежных исследователей, связанные с осмыслением понятий культуры Средневековья, прежде всего Й. Хёйзинги, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, Ф. Броделя, У. Эко. Не во всем разделяя положения исторической школы Анналов, мы, тем не менее, принимаем ее общую направленность изучения ментальных структур, показавшую себя плодотворной при анализе средневековых текстов.

Мы основывались также на работах А. Я. Гуревича, В. П. Даркевича, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева по истории и культуре Возрождения. Из зарубежных исследований наиболее плодотворными для нас оказались идеи А. Озанама, основателя францисканистики П. Сабатье, Э. Жебара, И. Йоргенсена, Г. К. Честертона, Г. Грюндмана, К. Эльма, Дж. Микколи, А. Бартоли-Ланджели, С. да Кампаньола, Э. Манселли, Х. А. Мерино.

Основная научная гипотеза, вынесенная на защиту. Францисканская литература, явившись высшей точкой развития средневековой религиозной литературы, в полной мере выразила напряженные духовные искания эпохи и оказала влияние на формирование нового позитивного образа материального мира и человека в литературе и культуре.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Эпоху XII–XIII вв. мы определяем как период особой «готической» ментальности, предполагающей целый комплекс представлений о Вселенной и о месте в ней человека. Организующим вектором духовных устремлений эпохи является вертикаль.

Напряженные духовные искания «готического Средневековья» выразились в так называемом «религиозном возрождении», предшествовавшем и во многом подготовившем гуманистическую культуру Возрождения.

2. На фоне многочисленных религиозных движений именно францисканство в наиболее полной мере выразило стремление средневекового общества к религиозному обновлению.

3. Богатая и разнообразная литература францисканского ордена возникла на довольно скромном литературном фоне средневековой Италии, развившись из двух составляющих – примитивной местной религиозной поэзии и некоторых тем куртуазной французской литературы.

4. Яркий и неординарный образ Франциска Ассизского, выходящий за рамки средневековой агиографии (эзотерический элемент, куртуазная составляющая, смеховое начало), стал одним из любимейших персонажей средневековой литературы, что свидетельствует о пробуждении индивидуалистического начала в средневековом сознании.

5. Специфика разнообразного по жанрам письменного наследия Франциска Ассизского формально вписывается в характеристики средневекового религиозного дискурса и фидеистических текстов: магическое отношение к слову, низкая степень авторского самосознания и осознание себя как орудия высших сил. При этом все тексты оказываются связанными с музыкальным началом.

6. В текстах Франциска, наряду с традиционно средневековыми мировоззренческими элементами, содержатся основы нового мировоззрения – позитивная оценка вселенной и человека, радость жизни и восхищение красотой материального мира. Наиболее полным выражением этого мировоззрения мы считаем его «Гимн творениям».

7. Францисканская литература, возникшая после смерти Франциска, ярко демонстрирует тот факт, что Средневековье не знало жестких границ между художественными текстами и религиозной, философской, исторической литературой. Во всех жанрах францисканских текстов «внехудожественного» назначения (молитвы, трактаты, проповеди, письма) присутствует значительный художественный элемент.

8. В обширной францисканской агиографии Франциск Ассизский выступает прежде всего как носитель принципиально нового восприятия мира и как его преобразователь. Основная ее идея – духовное возрождение мира, а Франциск воспринимается как новый евангелист и даже второй Христос. При этом образ Франциска приобретает некоторую эзотерическую составляющую.

9. Во францисканской литературе возникает новый жанр народной «цветочной» прозы, когда жизнеописание строится по принципу коротких новелл, не связанных между собой хронологически. Тональность францисканской агиографии – радость и предчувствие «новой жизни».

10. Расцвет научной литературы во францисканском ордене является следствием внимательного и восторженного отношения к миру как к прекрасному творению Бога, полному чудес. Развитие не только средневековой университетской науки, но и паранаучных знаний (алхимия, астрология, практическая магия) связано с ведущей ролью францисканских ученых (наряду с доминиканцами).

11. Апокалиптическая тема и болезненная экстремальная мистика, существовавшая в ордене несмотря на общий жизнеутверждающий настрой францисканской литературы, является следствием восприятия пришествия Франциска Ассизского как финального этапа мировой истории и предвестия Страшного Суда.

12. Культ женского начала, выразившийся в развитии культа Девы Марии, является важнейшей составляющей францисканского движения, о чем свидетельствует большое количество текстов, посвященных Мадонне. Значительное количество текстов, созданных женщинами, и их большая роль во францисканском ордене свидетельствуют о произошедшем в средневековом менталитете сдвиге в отношении к женщине.

13. Францисканство выступило и в качестве моста, связующего два мира эпохи Крестовых походов: христианский и исламский. Основа – общие у францисканства и ислама мистические практики и общие темы мистической поэзии (суфизм).

14. Литература доминиканского ордена, находившегося в некоторой конкуренции по отношению к францисканскому, развивалась под несомненным влиянием францисканской литературы и, за исключением некоторых явлений, не породила значительной литературной традиции.

15. Францисканские образы оставили большой след во всем дантовском наследии, от «Новой жизни» до «Божественной комедии». Это является следствием восприятия великим поэтом многих сторон францисканства – его социальных ориентиров, эстетических и этических идеалов, мистической устремленности. Франциск Ассизский, сам ставший литературным персонажем «Божественной комедии», находится на вершине дантовской вертикали.

Научная новизна исследования.

В нашей работе впервые в российском литературоведении мы попытались рассмотреть проблематику зарождения и развития францисканской литературы на широком культурно-историческом фоне.

Научная новизна работы определяется новым аспектом рассмотрения проблемы: впервые францисканская литература изучается как целостное историко-литературное явление в широком историческом, философском и мировоззренческом контексте. Впервые предпринимается попытка проанализировать зарождение и формирование францисканской литературы, выявляются мировоззренческие основы францисканства, анализируются францисканские тексты XIII века в совокупности их проблематики (аутентичность, время создания, авторство, лингвистические проблемы); ставятся проблемы влияния и взаимовлияния францисканской литературы на литературное развитие эпохи Высокого Средневековья, анализируются проблемы восприятия францисканских идей литературами последующих эпох.

Теоретическая значимость работы определяется выводами об историко-литературном месте и значимости францисканской литературы в общем литературном процессе.

Практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования, конкретизирующие, расширяющие и углубляющие

существующие в науке представления о характере и специфике литературного процесса эпохи Высокого Средневековья, могут быть использованы для написания обобщающих трудов по истории европейской литературы и культуры, а также для подготовки соответствующих историко-литературных и теоретических спецкурсов.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации представлены в двух монографиях, одной антологии, 16 статьях в рецензируемых изданиях ВАК, 35 статьях в других научных изданиях. Основные положения диссертации были представлены и обсуждены на следующих международных конференциях и симпозиумах: «Святой Франциск и русская культура» (Санкт-Петербург, РГПУ им.А.И.Герцена, сентябрь 1996); «Мир Лузофонии» (Санкт-Петербург, СПбГУ, октябрь 1998); «Монастырская культура. Восток и Запад» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, июнь 1998); «Флоренция и Санкт-Петербург. Диалог культур» (Италия, Флоренция, государственный университет «Università degli Studi di Firenze», июнь 2003); «Истоки – X: Религия и личность в прошлом и настоящем» (Москва – Владимир, РУДН, ноябрь 2005); «Культура и история» (Санкт-Петербург, СПбГУ, декабрь 2006); «Святой Франциск и диалог между Востоком и Западом» (Санкт-Петербург, Дом ученых им. А.М.Горького, октябрь 2008); «Прошлое, настоящее и будущее итальянистики в странах Балтии и России» (Латвия, Рига, Латвийский университет, институт всеобщей истории РАН, ноябрь 2010); «Культура Италии. Взгляд из XXI века» (Москва, РГГУ, октябрь 2010); «Италия объединенная: 150 лет опыта» (Санкт-Петербург, СПбГУ, ноябрь 2011); «Метафизика белых ночей» (Санкт-Петербург, ЛГУ им. А.С.Пушкина, июнь 2013); IV Международная научная конференция «Актуальные вопросы истории древнего мира» (Украина, Киев, государственный университет, май 2013); «Дипломатия. Политика. Коммуникации: историческая перспектива» (Украина, Киев, Дипломатическая академия, май 2013); «Апокалипсис как явление культуры» (Санкт-Петербург, ЛГУ им.А.С.Пушкина, июнь 2013); «Русско-итальянские связи» (Республика Сан Марино, государственный университет, сентябрь 2013); «Россия. Империя» (Италия, Перуджа, государственный университет «Università degli Studi di Perugia», май 2014); «Италия знаний: между традициями и инновациями» (Санкт-Петербург, СПбГУ, октябрь 2013); Шишмаревские чтения (Санкт-Петербург, СПбГУ, 2005, 2008, 2011, 2012, 2013), а также на ежегодных международных филологических конференциях (Санкт-Петербург, СПбГУ, 1997-2011).

Материалы работы **внедрены в учебный процесс**: апробация основных положений работы осуществлялась в процессе преподавательской деятельности на филологическом факультете СПбГУ в рамках курсов истории европейской литературы, истории итальянского языка и курса страноведения Италии.

Структура и объем работы.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, каждая из которых включает в себя несколько параграфов, Заключение, Приложения (тексты и переводы) и Библиографии. Объем диссертации составляет около 25 печатных листов

основного текста; Библиография включает 670 наименований на русском, итальянском, французском, английском, немецком и латинском языках.

Основное содержание диссертации

Во **введении** дается общая характеристика диссертационного исследования, излагается степень изученности проблемы, обосновываются актуальность и научная новизна, дается характеристика основных теоретических и методологических принципов построения исследования, формулируются цели, задачи, а также положения, выносимые на защиту, обозначается структура исследования.

В обзоре литературы рассматриваются как зарубежные, так и отечественные исследования по теме. При этом уделяется особое внимание восприятию францисканского наследия мыслителями русского Серебряного века.

Первая глава диссертационного сочинения «**Франциск Ассизский и его эпоха**» посвящена анализу эпохи Высокого Средневековья и появлению на этом фоне феномена Франциска Ассизского и францисканского движения.

Первый параграф носит название «**Культурно-историческое содержание эпохи Франциска Ассизского: события, персонажи, идеи**». Кратко очерчивая сущность дискуссий по поводу условности критериев и размытости хронологических, территориальных и мировоззренческих границ понятий «Средневековье» и «Возрождение», мы присоединяемся к давно существующей в итальянистике тенденции (идушей еще от А. Н. Веселовского) избегать жесткой периодизации и однозначных формулировок в отношении специфического во многих отношениях развития итальянской литературы и оперировать нейтральными терминами Дуеченто, Треченто, Кватроченто и т. д.

Эпоху XIII столетия – Дуеченто, которую иногда также называют Высоким Средневековьем, эпоху создания и утверждения францисканского ордена и францисканской духовности, мы соотносим с тем особым периодом, который в архитектуре носит название «готический», так как готика, являясь не только и не столько архитектурным стилем, наиболее полно отражает умонастроение той эпохи. Здесь мы следуем за Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффом, А. Ф. Лосевым, О. А. Добиаш–Рождественской, определявшими этот исторический период в образах архитектуры и характеризовавшими умонастроение эпохи именно как «высочайшую готическую духовность», а эпоху как «время готических соборов». «Божественную комедию» Данте, как известно, уже многие поколения исследователей именуют «готическим собором в литературе».

XIII век мы, вслед за А. Н. Веселовским, называвшим его «веком Божественной Комедии», понимаем не жестко хронологически, а шире

(включая и первую четверть XIV), и выделяем его в отдельную историческую эпоху»¹.

Для XIII столетия, когда возникали университеты, расцветала литература, строились готические соборы, создавались великие теологические системы, помимо небывалого расцвета культуры характерен и настоящий эмоциональный взрыв, всплеск интереса к духовной стороне человеческой личности. Обычно принято говорить о подобном интересе к человеку исключительно со стороны культуры Возрождения. Но нельзя забывать о том, что не меньший, а иногда даже больший интерес к человеческой личности проявляло и Средневековье, только этот интерес выражал себя иначе и ориентировался в основном вовнутрь – на проблемы духовного мира, при этом сознательно отрицая материально-телесный аспект.

Духовные искания этой эпохи ярко проявились в так называемом «религиозном возрождении» XII–XIII столетий, используя выражение французского историка Ф. А. Озанама, еще в XIX веке высказавшего мысль, что именно религиозное возрождение предшествовало и духовно подготовило гуманистическую культуру Возрождения.

В середине XII века в Западной Европе начинается настоящее религиозное брожение как в самых широких слоях населения, так и в недрах самой церкви, выразившееся в возникновении большого количества новых ересей, более или менее агрессивных по отношению к христианской церкви. Центром возникновения большинства новых ересей становится территория Южной Франции и Северной Италии, надолго превратившаяся в «горячую точку» средневековой Европы.

При этом во всех еретических движениях, как, впрочем, и в нищенствующих орденах, присутствует протест против светского характера церковной организации и слишком материального понимания религии (характерный пример – введение системы индульгенций). Необыкновенно массовую и распространенную ересь катаров-альбигойцев Н. А. Осокин в своем основополагающем исследовании, и по сей день не потерявшем научную ценность, называет «первой реформацией» и подчеркивает связь и преемственность альбигойцев с позднейшим протестантизмом. Не менее массовым было и движение флагеллантов (бичующихся), распространившееся по всей Италии. Протестные выступления еретических движений усиливались апокалиптическими ожиданиями: огромную роль в развитии ересей XII–XIII столетий и даже нескольких последующих веков сыграло учение о близости Страшного Суда Иоахима Флорского (1145–1202), помещенного Данте в Рай. Иоахимитская литература имела огромное влияние как в среде раннего францисканства, так и в его радикальном крыле – спиритуалах. Крайней формой иоахимизма явилось одно из самых кровопролитных событий Средневековья – восстание Дольчино, описанного Данте в «Божественной комедии».

¹ Веселовский А. Н. Собр. соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 1.

Еще одно необычное веяние эпохи – новый рационалистический метод, известный в большей степени под названием схоластики; всё больше в среде университетских теологов начинают говорить о недостаточности одной веры и о совместимости веры и разума. Одновременно представитель францисканской научно-философской школы Роджер Бэкон задолго до Леонардо да Винчи предсказывает многие научные открытия и достижения техники: порох, электричество, железные дороги, пароходы. Францисканец Раймунд Луллий, основатель каталанской литературы, создает первую в Европе «логическую машину» и становится предшественником комбинаторных методов в математике.

Как утверждает А. Ф. Лосев, все эти черты указывают на «непосредственное предшествование Возрождения, если не прямо его начальную стадию. И культ разума, и его опора на опыт, и та материально-пластическая сущность, в которой диалектически совпадают материя и смысл, – всё это является прямой предпосылкой именно Возрождения»².

Как следствие проникновения в Европу через арабских философов и переводчиков философии Аристотеля в форме аверроизма, отрицавшего бессмертие души, возникает невероятное для Средневековья – некая «мода» на неверие, которая, конечно, проявляется чрезвычайно редко и только в высших слоях общества среди интеллектуалов: достаточно вспомнить колоссальную фигуру легендарного Фридриха Второго Гогенштауфена, дважды отлученного от церкви, и не менее интересную личность флорентийского поэта Гвидо Кавальканти, лучшего друга и наставника Данте.

В это время радикально изменяется круг произведений, изучаемых на философских факультетах университетов: большую роль начинают играть арабоязычная наука и философия, проникающие из мусульманской Испании. В это время рождаются и всеобъемлющие, универсальные системы, теологически оформившие христианство и примирившие христианскую религию с античной философией. Эти системы, в свою очередь, стали своеобразным подведением итогов тысячелетнего развития христианской мысли: это системы «гения компромисса» доминиканца Фомы Аквинского, францисканцев Дунса Скотта, Роджера Бэкона, Раймунда Луллия, Бонавентуры. Доминиканцы, а вслед за ними и францисканцы, заняли практически все преподавательские должности в главных центрах средневековой науки и философии: Оксфордском, Кембриджском, Парижском и Болонском университетах.

Наряду с развитием естественных наук получает новое развитие и эзотерика – такие паранаучные формы познания, как астрология и алхимия. Древнее знание, пришедшее из герметических греко-египетских текстов («Изумрудная скрижаль») через арабских ученых, перерабатывается в духе неоплатонической идеи о возможности совершенствования и одухотворения материи и создания искусственного человека – гомункулуса. Среди практикующих алхимиков – величайшие умы Средневековья, создавшие семиотически сложнейшие алхимические тексты: Альберт Великий, Фома

² Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 148.

Аквинский, Роджер Бэкон, Раймунд Луллий. Поиски эликсира бессмертия и философского камня смыкаются с поисками священного Грааля, что становится одной из ведущих тем в литературе.

В эту эпоху меняется и само христианство – появляется большое количество новых святых, более человеческих и близких бытовому сознанию средневекового человека; их жития описаны в огромном агиографическом сборнике «Золотая легенда». Культ новых святых в сочетании с экзальтированным почитанием реликвий напоминает никогда не умиравшее язычество и магические обрядовые практики.

Начиная с XII века в Европе развивается пришедший из Галлии культ Девы Марии, которая ранее была всего лишь одним из персонажей Священного Писания. После XII столетия картина совершенно меняется: Дева Мария становится важнейшей фигурой всей европейской культуры и всей христианской теологии. В светской литературе это ознаменовывается появлением поэзии провансальских трубадуров; в живописи самым распространенным сюжетом становится изображение Мадонны с младенцем; в архитектуре большинство готических соборов посвящены Деве Марии. Она становится «Notre Dame»: «Нашей госпожой», Мадонной. Мадонна приобретает самые женственные черты, объединяя в себе все формы воплощения женского начала – мать, сестру, возлюбленную. Культ женщины развивается параллельно в религии и в литературе, переплетаясь и взаимно дополняя стилистику: почитание Марии в религиозной литературе приобретает черты культа Прекрасной Дамы (Готье де Куанси). Бернард Клервоский, самый экзальтированный почитатель Мадонны, идет еще дальше, воспевая ее в почти эротических терминах. И напротив, средневековые поэты, описывая возлюбленную, «ангелизируют» ее, прибегая к религиозной терминологии. Мария становится идеалом не только нравственного, но и физического совершенства, предвосхищая образы Мадонн великих мастеров Возрождения. Это реакция на патриархальность христианства.

В XII–XIII столетиях обостряется страх перед Дьяволом и его демонами – они воскресли перед ним в образах древних средиземноморских, кельтских и германских духов, никогда окончательно не умиравших в его генетической памяти. В произведениях искусства всё чаще встречаются изображения адских сил, и они становятся всё ужасней и уродливей, как бы предчувствуя восставших из ада чудовищ Босха и Данте. Дьяволопоклонничество, ведьмовство и черные мессы становятся реальностью средневековой повседневности, а женщина (даже в эпоху культа Прекрасной Дамы) начинает восприниматься как орудие и порождение Сатаны. У Ле Гоффа есть чрезвычайно точное определение Средневековья: это «галлюцинирующее общество» с его верой во всё потустороннее, сверхъестественное и дьявольское³.

Мистика, бурно расцветшая во всех сферах - как в церковной среде, так и в недрах еретических сект, приобретает в ту пору крайне болезненные и

³ Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 154-177.

извращенно-маргинальные черты. Так, мистические тексты некоторых францисканских поэтов – это иллюстрация мысли Л. П. Карсавина, что во всякой мистике неизбежно присутствует некий неосознанный эротизм, часто доходящий до крайности. Высокому Средневековью, как писал Ю. Лотман, вообще свойственна такая черта, как максимализм во всем: «Высшая степень ценности (святости, героизма, преступления, любви) достигается лишь в состоянии безумия».

В итоге накопившееся в сознании средневекового человека напряжение дает выход в огромном взрыве пассионарности Крестовых походов, приведших к неожиданным и судьбоносным последствиям для общественной жизни Европы. Великий натиск на Восток способствовал расширению не только географического, но и духовного горизонта, вследствие чего изменился европейский менталитет и европейская картина мира. Столкнувшись с новой высокоразвитой цивилизацией, во многом превосходящей европейскую, христианская Европа теряет ощущение собственной исключительности. Во время крестовых походов возникает и влиятельный религиозно-рыцарский орден тамплиеров, ставший вместилищем не только всей системы знаний Запада, но и сокровенной гностической мудрости Востока, приобретенной им в результате знакомства с древними восточными учениями.

В результате всех этих процессов – развития огромного количества агрессивных ересей, болезненно-мистических настроений, глубоких изменений в самой католической теологии и столкновения с исламом – средневековый человек оказывается перед лицом глубочайшего духовного кризиса. К началу XIII века этот кризис достигает наивысшего напряжения. В 1215 году IV Латеранский собор констатирует критическое состояние духовности и объявляет важнейшими задачами борьбу с ересью (учреждение Инквизиции) и укрепление устоев. Одновременно церковь принимает в свое лоно францисканское движение, стоявшее поначалу на почти революционных позициях по отношению к церкви. Этот момент запечатлен на известнейшей фреске Джотто: папа Иннокентий III видит во сне, как Франциск поддерживает рушащееся здание храма.

Ж. Дюби, говоря об обновлении в сознании средневекового человека и о преодолении мировоззренческого кризиса, проводит справедливую параллель между деятельностью Франциска Ассизского и созданием огромного готического собора. Таким образом, появление на исторической арене такой фигуры как Франциск Ассизский было обусловлено мировоззренчески.

Во втором параграфе **«Франциск Ассизский: слово и дело. Биография Франциска в свете средневековых источников»** кратко очерчивается биография основателя францисканского движения на основе средневековых текстов различного происхождения.

Комплекс источников, из которого мы черпаем фактические сведения о жизни Франциска Ассизского, довольно велик: это и документы городского архива города Ассизи, и церковные документы (указы, письма), многочисленные трактаты и исторические хроники, а также обширная средневековая агиография. При анализе этих текстов мы столкнулись с двумя

моментами. Во-первых, с тем, что францисканская агиография выгодно отличается от других средневековых агиографий (и, прежде всего, от доминиканской) тем, что образ основателя францисканского ордена всё же зримо проступает через традиции и штампы этого специфического жанра. Вероятно, главная причина этого – яркая и не укладывающаяся ни в какие жанровые рамки личность Франциска Ассизского. Во-вторых, мы еще раз убедились в том, что большинству средневековых текстов, даже созданных без всяких художественных намерений, всё же свойственен художественный элемент (характерный пример – папские буллы).

В этом параграфе мы останавливаемся только на наиболее значимых событиях: на полуфранцузском происхождении Джованни Бернардоне, канонизированного впоследствии не под своим именем, данным при крещении, а под семиотически значимым прозвищем «француз» (Франциск), на его посредственном образовании, отголоски которого будут зримы в грамматике его текстов; на его увлечении рыцарскими романами и провансальской поэзией, что приведет к широкому использованию во францисканском движении куртуазной фразеологии и идее рыцарского служения Мадонне. Особое внимание уделяется и пережитому им экзистенциальному кризису (встреча с прокаженным), в результате которого Франциск роздал богатства своего отца бедным и отправился проповедовать простые евангельские истины. Заметим, что глубокий психологический перелом, часто включающий отказ от родителей и земных привязанностей, – одна из самых распространенных моделей «развития святости» в средневековой агиографии⁴. Франциск объявляет себя «идиотом» и «божьем скоморохом», и здесь появляется нечто новое в его агиографическом облике: элементы игры и «смеховой культуры». Франциск в средневековой агиографии предстает в качестве «человека играющего» («*homo ludens*») а некоторые черты «юрродства» неожиданно сближают его с восточнохристианской традицией.

Уже на склоне своей недолгой жизни на горе Лаверна возле Ассизи, где, по преданию, он получил стигматы после явления шестикрылого серафима, Франциск создал одно из самых известных поэтических произведений итальянской средневековой литературы – «Гимн творениям», воспевающий красоту и гармонию Вселенной.

Фигура Франциска еще при жизни была окутана огромным количеством легенд, в которых он предстал одновременно и в качестве христианского подвижника, и в качестве народного целителя, и в качестве почти языческого волшебника, понимающего язык птиц и зверей и властвующего над стихиями. Все францисканские легенды рассказывают о любви Франциска к природе и особенно к животным; ко всем: и к стихиям, и к цветам и травам, и к птицам и животным, и даже к свирепому волку Франциск обращается с любовью и уважением, называя всех «братец волк», «сестрица лисичка» и «братец зайчонок».

⁴ Голенищев-Кутузов И. Н. «Средневековая латинская литература Италии». М., 1972. С. 199-224.

Кроме того, агиография изображает Франциска и совершающим множество «традиционных» чудес исцеления, примирения, воскрешения, а также пророчеств. Впоследствии все эти легенды были собраны в книгу под названием «Цветочки св. Франциска Ассизского».

Образ неунывающего странствующего монаха, не всегда буквально соблюдающего францисканские заветы бедности и целомудрия, неоднократно будет встречаться в новеллистике эпохи Возрождения (плутоватые и жизнелюбивые монахи «Декамерона» Боккаччо).

Личность Франциска и его драматическая жизнь вдохновляли великих европейских художников от Джотто до Эль Греко. К францисканскому движению в разные столетия принадлежали Данте, Петрарка, Колумб, Васко да Гама, Томас Мор, Рабле, Сервантес, Микеланджело, Вивальди, Ференц Лист.

Франциск до сих пор остается самым любимым и самым почитаемым итальянским святым, имя Франциск (с его национальными вариациями) – одним из самых распространенных в мире; с 1939 года, согласно папской булле, он является святым покровителем Италии и небесным защитником экологии планеты Земля.

Франциск не оставил систематического изложения своих взглядов, хотя ему принадлежит достаточное количество текстов. Францисканство действительно нельзя считать доктринально оформленным учением, подобно томизму и другим средневековым философским системам; это скорее определенное мироощущение и образ жизни: духовная радость, музыкальная и игровая составляющая, проповедь самых простых евангельских ценностей, презрение к любым материальным благам, гармоническое восприятие вселенной, страннический образ жизни, любовь ко всему и ко всем, одухотворение природы и ощущение своей связи с ней. Именно францисканское восприятие мира, принципиально новое для менталитета средневекового человека, внесло вклад в формирование идеалов Нового времени и продолжает влиять на современную субкультуру (движение хиппи, зародившееся в исторически францисканском городе Сан-Франциско).

Третий параграф носит название «**Литературный фон эпохи Дуеченто**».

Литературное наследие Франциска Ассизского относится к так называемому периоду «Le origini», то есть к периоду зарождения национальной литературы.

Средневековая итальянская литература этого периода – явление достаточно скромное (за немногими исключениями, как, например, «сицилийская школа поэзии») и не соизмеримое по значению с литературой других стран, в первую очередь с литературой средневековой Франции.

Франциск Ассизский родился в блестящую эпоху расцвета рыцарской культуры, в век провансальской поэзии и рыцарских романов. В эпоху Средневековья знакомство с культурой Франции было обязательным для сколько-либо образованного человека. Французская культура распространилась по всей Европе и, конечно, по Италии, непосредственно граничившей с рыцарской Францией; в особенности север Италии находился под непосредственным влиянием провансальской культуры. Кроме того, французская культура и

французский язык пришли и в Южную Италию вместе с норманнским завоеванием. Куртуазная поэзия процветала и при итальянских дворах: после альбигойской катастрофы многие провансальские трубадуры находили убежище при дворах итальянских феодалов.

Франциск, родившийся в полуфранцузской семье и выросший в атмосфере культа Франции и Прованса, был, конечно, хорошо знаком с литературой провансальских трубадуров и сам обладал подчеркнуто «куртуазными» манерами, как отмечают все без исключения биографы. Ж. Ле Гофф справедливо рассматривает «куртуазность» Франциска как стремление к слиянию рыцарского и религиозного идеала. В эту эпоху появляется новый тип странствующего рыцаря-поэта; это «трубадур Христа», скитающийся по свету подобно рыцарям Круглого Стола, погруженный в созерцание, размышление, мистические видения и экстатические состояния. В особенности здесь важен момент странствования, обязательная черта рыцарского облика эпохи: Франциск – странствующий рыцарь-поэт, воспевающий неземное.

Выражение «*giullare di Dio*», «менестрель Господа Бога», глубоко и точно выражает сущность францисканского отношения к миру; в нем присутствуют обе его составляющие – куртуазно-рыцарская «*giullare*» и христианская «*di Dio*». Связь раннефранцисканской литературы с провансальской поэзией уже неоднократно была предметом изучения; о христианизированной провансальской поэзии как основе францисканства пишет В. Е. Багно⁵. Особо важными нам представляются в этом контексте также те свидетельства, которые утверждают, что Франциск часто использовал французский язык и рыцарскую фразеологию в повседневной жизни.

Вторая составляющая поэзии Франциска – итальянская религиозная поэзия. Особое влияние на творчество Франциска оказали лауды – жанр, возникший на рубеже XII–XIII веков в Северной Италии в атмосфере бурного расцвета религиозных мистических движений различных направлений, от находящихся в церковных рамках братств Девы Марии, развивавших культ Богородицы, до (уже во второй половине XIII) практически маргинального движения флагеллантов.

Структура и стилистика лауд проста, даже примитивна, и тесно связана с народными балладами. Во многих лаудах прослеживается влияние куртуазной поэзии, при этом в лаудах, обращенных к Деве Марии, встречаются принятые в феодальной терминологии выражения подчинения – рыцарского служения.

Поэтические тексты Франциска Ассизского вписываются в рамки жанра лауды и по стилистике, и по ритмике, и по своему назначению – все они предназначены для богослужения и проповеди, обращенной к самым широким слоям населения.

Кроме того, все молитвы и гимны, сочиненные Франциском, имели и музыкальное сопровождение; иногда это были уже существующие народные мелодии, иногда – мелодии, написанные самим Франциском.

⁵ Багно В. Е. Трубадур Христа // Рамон Льюль. Книга о любящем и возлюбленном. СПб., 1997. С.241-243.

Необходимым элементом поэтической проповеди Франциска был также некий странный ритмический танец, сходный с сакральным танцем суфийских мистиков (дервишей), которых Франциск, без сомнения, встречал в своих странствиях по арабскому Востоку. Частью францисканской проповеди были и примитивные театральные представления (это как раз время зарождения религиозной драмы), а также некий примитивный кукольный театр – презепий (вертеп).

Как сообщают францисканские жизнеописания, ассизский святой после сочинения слов и мелодии «Гимна творениям» повелел своим последователям идти по свету и всегда петь его после произнесения ими проповеди, подобно «менестрелям Господа Бога» и нести духовную радость, идею обновления мира и веры в то, что для всего человечества начинается «новая жизнь».

Образ странно выглядящего и пребывающего в экстатическом состоянии бродячего поэта и певца быстро распространился по Италии; это были францисканские проповедники, странно и даже вызывающе эксцентрично одетые (удивительным образом напоминающие русских юродивых), с музыкальными инструментами в руках, поющие хвалы Господу на простонародном языке.

Глава II «Литературное наследие Франциска Ассизского» состоит из четырех параграфов. В первом параграфе **«Фидеистическое слово в религиозном дискурсе и жанр молитвы»** рассматривается специфическая жанровая принадлежность произведений Франциска Ассизского.

Практически все тексты Франциска Ассизского относятся к специфической области религиозного дискурса. В последние десятилетия религиозный дискурс всё больше привлекает внимание исследователей (это работы Карасика В. И., Бобыревой Е. В., Мечковской Н. Б.). Общие черты религиозного дискурса, свойственные ему во все исторические эпохи, описаны в критике достаточно подробно: так, содержанием его всегда являются исключительно священные тексты в более или менее свободной интерпретации, толкование этих текстов, а также тексты, сопровождающие определенные религиозные и околорелигиозные (магические) ритуалы. Исследователи не раз отмечали, что слово в религиозном дискурсе имеет особую фидеистическую, то есть магическую, функцию и воспринимается не как некий знак или условное обозначение священного предмета или понятия, а как его неотъемлемая часть; означающее и означаемое при этом не противопоставляются, а отождествляются. Слово в этом контексте, таким образом, обладает не только художественными, но и трансцендентными, сверхъестественными свойствами⁶. Еще несколько десятилетий назад один из основоположников структурной лингвистики и психолингвистики Р. О. Якобсон писал о магической функции языка и о словесной магии⁷.

⁶ Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии истории религий. М., 1998. С.41-44.

⁷ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. М., [1960] 1975. С. 200.

Именно эта составляющая религиозного дискурса приобретает важное значение в эпоху Средневековья, и в особенности – в раннефранцисканской литературе. Характерная черта практически всех фидеистических текстов, и конечно, раннефранцисканских, – это мистическое и даже магическое ощущение некоего «волшебства слова», пришедшего из древнейшей дописьменной магии и ритуала, а также сакрализации самого процесса письма. Одним из самых известных эпизодов францисканской агиографии является рассказ о том, как Франциск Ассизский бережно собирал всё написанное, любые клочки пергамента, даже языческого происхождения, повторяя, что из всех букв можно составить Имя Бога. Подобное мистическое отношение к Слову как к высшему таинству согласуется с мыслью Ф. де Соссюра о том, что все древние сакральные тексты имели анаграммическое строение и во всех так или иначе присутствовало Имя Бога.

Большое значение во францисканской молитве имеет многократное повторение одних и тех же формул и Имени Бога, так как количественное повторение усиливает магическую силу Логоса. Уже неоднократно было замечено, что постоянное многократное повторение одних и тех же формулировок сближает францисканские молитвенные практики с восточными религиями – буддизмом, кришнаизмом и в особенности с исламом (суфийская поэзия).

Хотя еще Д. С. Лихачев писал о неустойчивости жанровых определений в средневековой литературе, всё же можно вычленить некоторые общие жанровые особенности фидеистических текстов, как устных, так и письменных, и все они характерны именно для францисканских текстов. Это высокая степень формальной организованности сакральных текстов, что выражается в обилии звуковых повторов, анаграмм, звукоподражаний, аллитераций, метрической упорядоченности, рифме. Это и большое количество параллельных конструкций, иносказательность, наличие неясных грамматических связей и «темных» выражений, в той или иной мере непонятных слушателям и даже самим исполнителям фидеистического слова, а также особая распевно-речитативная манера чтения с отсутствием логических ударений. Средневековая нумерология здесь также имеет большое значение: воззвание к высшим силам необходимо произносить определенное магическое количество раз. Этим достигается одна из важнейших функций фидеистического текста – его фасцинирующее (лат. связывающее, опутывающее) воздействие на адресата и на самого исполнителя: способность зачаровывать, вводить в транс или эйфорию с помощью ритмики, повторов, аллитераций. Действие францисканской молитвы, кроме того, усиливалось и музыкальным сопровождением, такая практика существовала во времена самого Франциска Ассизского и применялась также в последующие столетия (А. Вивальди). Процесс молитвы может сопровождаться экстатическими состояниями и граничить с патологическими психофизиологическими состояниями, в особенности в случаях, когда молитвенное бдение происходит во время длительного строгого поста и при воскуривании легких психоактивных веществ растительного происхождения (ладан);

францисканские агиографии изобилуют описаниями подобных ситуаций (бьющиеся в конвульсиях монахи и кричащие в беспамятстве монахини (кликушество)).

Для фидеистических текстов характерно также стремление обезличить процесс творчества – отсюда сознательная анонимность многих средневековых произведений. Основные черты фидеистического творческого акта – спонтанность, неконтролируемость разумом и волей, при этом продукт творческого акта остается за пределами личности. В этом смысле существует определенная параллель между Франциском и автором религиозных гимнов древнеанглийским поэтом Кэдмоном.

Во втором параграфе **«Специфика письменного наследия Франциска Ассизского в современной филологической медиэвистике»** рассматриваются вопросы сохранности и атрибуции рукописей, проблема общей фрагментарности его наследия, вопросы палеографии и источниковедения.

Анализ текстуального наследия Франциска Ассизского – задача весьма непростая, несмотря на то, что с количественной точки зрения оно невелико и умещается в один небольшой том. Рукописная традиция францисканских текстов достаточно запутана, кроме того, многие тексты были не написаны, а надиктованы Франциском своим ученикам и подверглись затем значительному редактированию. Всё это породило так называемый «францисканский вопрос» в италянистике – проблему необходимости очищения аутентичных текстов от позднейших наслоений. Кроме того, только небольшая часть письменного наследия Франциска Ассизского создана на староитальянском языке (на умбрийском диалекте); подавляющее большинство его текстов написано на средневековом варианте латинского языка с множеством ошибок; как известно, сам Франциск именовал себя *illiteratus et idiota*.

Обратим внимание также на исключительный для того времени факт – наличие трех рукописей-автографов Франциска. Их прекрасная сохранность свидетельствует о том, что уже современники Франциска считали их бесценными реликвиями и соответственно с ними обращались. В этом смысле характерна судьба писаний бесприютного изгнанника и вечного скитальца Данте – от огромного дантовского наследия не сохранилось ни одного автографа: в эпоху Средневековья, полную войн и социальных потрясений, список сгоревших рукописей практически бесконечен.

Что касается источников, то самые ценные, то есть старейшие собрания текстов Франциска распределяются согласно их локализации по нескольким группам. Наиболее древняя и ценная рукописная компиляция текстов – это известнейший манускрипт 338 (так называемый Кодекс 338 – *Cod. As*) городской библиотеки Ассизи второй половины XIII века, а также рукописный кодекс 225 библиотеки Гварначчи в Вольтерре (*Vo. 225*). Следующие по значению – так называемая Авиньонская компиляция начала XIV века (или «Книга Саксонской провинции»), а также Северная нидерландская группа (или «Книга провинции Кельна») и группа текстов Порциункулы (или «Книга провинций Центральной Италии»).

В третьем параграфе «Поэтическое наследие Франциска Ассизского: традиции, проблемы, жанры» рассматривается самая известная часть его наследия – поэтическая.

Итальянцы – единственная европейская нация, миновавшая, в силу причин разного характера, стадию эпической литературы. Большие эпические произведения, подобные исландским сагам, «Песни о Роланде», «Слову о полку Игореве», в литературе Италии отсутствуют. Многие издания истории итальянской литературы обычно открываются небольшим «Гимном творениям» Франциска Ассизского, ставшим, пользуясь известным выражением Дж. Контини, ее «достойным началом».

На сегодняшний день «Гимн творениям» считается хронологически первым произведением итальянской литературы (миновавшей, как известно, стадию эпоса) и является предметом многочисленных исследований, как теологических, так и историко-литературных и лингвистических. Библиография по его проблематике очень велика (более пятисот работ). «Гимн творениям» – это и программное произведение, и выражение мировоззрения Франциска. Несмотря на его кажущееся простым содержание (хвала основным стихиям мироздания и благодарность их Создателю) и достаточно скромные размеры (всего 33 строки, составившие 14 строф, написанных ритмической прозой), «Гимн творениям» – значительное и в то же время весьма характерное произведение религиозной мистической литературы.

Гимн – это гимн жизни и природе, так как именно в сотворенном отражается Создатель, которому поет хвалу Франциск; именно отсюда – чувство братства между человеком и всем сотворенным. Именно здесь мы видим основное различие между францисканским восприятием мира и классически средневековым *Contemptus mundi* – презрением к материальному миру, полному греха, боли и страданий. Картину мира Франциска пронизывают оптимизм, позитивность и гармония. В его вселенной царствуют красота, благодать, сила, мир, прощение, в ней даже страдание переносится умиротворенно, даже смерть благодатна. Нет ничего неэстетичного, нет почти ни одного отрицательного момента – кроме одной строчки о смертном грехе. Это единственный трагический момент в «Гимне». Элемент ужаса, устрашения, необходимого напоминания о неизбежной смерти и загробных мучениях обязателен для готической эпохи, как присутствие каменного чудовища-химеры среди гармонии готического собора. Здесь звучат у Франциска грозные интонации «*Dies irae*».

Особую сложность представляют некоторые грамматические конструкции «Гимна», где имеет место смешение каузальной (восхваление Бога за создания) и агентивной (восхваление Бога самими созданиями) функций предлога «*per*» и «*cum*». Франциск благословляет Создателя и одновременно с его творениями, и по причине их, и посредством их, и через них. Философское содержание грамматических конструкций здесь особенно полемично и вопрос о пантеизме появляется в связи с недостаточной определенностью и разграниченностью роли Творца, творений и человека. По той же причине существует два варианта перевода названия «Гимна» на русский язык – «Гимн творениям» (поэт

возносит хвалу творениям Бога) и «Гимн творений» (творения поют гимн своему Создателю).

Другие поэтические произведения Франциска Ассизского (молитвы) менее известны в истории итальянской литературы, так как являются в первую очередь текстами для богослужения. Тем не менее и они достойны изучения именно в качестве средневековых религиозных текстов, отражающих проблематику менталитета эпохи.

Самые яркие из них следующие:

«*Laudes Dei Altissimi*» (Хвалы Богу Всевышнему) – одно из последних и наиболее драматичных произведений Франциска, один из редчайших автографов средневековой литературы. Напряженная ритмика лауды, наличие внутренних рифм, параллельных структур и ассонансов создают эффект фасцинации и заставляет еще раз вспомнить тот факт, что практически все свои молитвы и гимны Франциск сопровождал мелодиями.

«Благословение брату Льву» – пример словесной магии – заклинания (это «магический квадрат») в традициях средневековых заклинаний как христианской, так и дохристианской (и внехристианской) народной культуры, глубоко связанной с древнейшей культурой Центральной Италии, страны этрусков, и в особенности Умбрии, уроженцем которой был Франциск.

«Толкование на «Отче наш». Это пример художественного изложения и свободного толкования традиционного сакрального текста. Здесь мы видим явные следы правки оригинального текста Франциска одним из секретарей: в нем встречаются довольно сложные богословские формулировки и определения. Этот текст, конечно, лишь условно можно назвать оригинальным произведением Франциска: святой был не очень образованным человеком, и здесь мы имеем дело со специфически средневековым понятием авторства.

«Хвалы, прочитываемые перед каждым каноническим часом». Обилие повторяющихся параллельных конструкций, многократное повторение воззваний к высшим силам (важность нумерологии в Средневековье) создает эффект фасцинации и сближает этот текст с мантрой.

«Приветствие Добродетелям». Здесь возможно говорить о своеобразном «готическом» мышлении Франциска, который персонифицирует добродетели, изображая их в образе дев; при этом возникает параллель между литературой и архитектурой: вспоминаются персонифицированные изображения (как правило, скульптуры) добродетелей и пороков на порталах и колоннах готических соборов. Франциск, используя рыцарскую фразеологию, называет их «госпожами»: госпожа Царица Премудрость, госпожа Святая Нищета, госпожа Святая Любовь.

«Приветствие Пресвятой Деве Марии». Здесь возможно говорить о несомненной стилистической параллели с текстами основателя ордена тамплиеров св. Бернарда Клервоского, глубоко почитавшегося францисканцами. Среди францисканцев было распространено экзальтированное почитание Мадонны; впрочем, женскому началу (и женскому движению) как таковому у них придавалось большое значение. Обращает на себя внимание в тексте образ Марии, символизирующей храм, – образ, широко

распространенный в религиозной литературе Высокого Средневековья. Именно францисканцы внесли решающий вклад в литературное оформление культа Мадонны в Средневековье (распространение традиции чтения молитвы Аве Мария). По мысли К. Г. Юнга, культ Мадонны явился реакцией на патриархальность христианства и на онтологическую недостаточность Троицы, которая должна быть дополнена женским элементом и превращена таким образом в Четверицу.

«Призыв к восхвалению Бога» связан с вкладом францисканцев в развитие изобразительного искусства. Франциск при постройке одной небольшой церкви велел нарисовать на деревянном щите различные творения Бога и собственноручно написал под каждым из рисунков соответствующие строки. Впоследствии Джотто подобным же образом изобразил жизнь самого Франциска.

«Молитва перед распятием». Это ответ «говорящему распятию» из Сан-Дамиано на слова «Иди и восстанови дом мой», это диалог с Богом.

Молитва «Onnipotente». Франциск молится о ниспослании ему единения с Богом; согласно средневековым мистическим учениям, это последняя ступень мистического восхождения души к Богу.

Франциску приписываются также некоторые молитвы без всяких на то веских филологических и исторических доказательств. Они являются чрезвычайно популярными и в наши дни, и широкие круги не подвергают ни малейшему сомнению их принадлежность Франциску: так называемая «Простая молитва», молитва «Призыв творить добро», молитва «Да поглотит меня любовь». Эти молитвы, несмотря на их сомнительную атрибуцию, прочно запечатлены в памяти каждого итальянца с детства, связаны исключительно с именем Франциска Ассизского и еще раз подтверждают устойчивость устной непрерывной традиции фольклора Апеннинского полуострова.

В четвертом параграфе **«Основные проблемы прозаического наследия Франциска Ассизского»** рассматриваются различные прозаические тексты, созданные без каких-либо художественных намерений (документы юридического характера: уставы, наставления, письма и т. д.). Тем не менее, они предстают в качестве художественных произведений, что подтверждает известный факт зыбкости границ между художественными и внехудожественными формами средневековой литературы. При этом во многих текстах Франциск неоднократно говорит о сакральности письменной культуры и о необходимости уважать и почитать теологов и преподавателей – всех тех, кто несет в мир Слово.

Все эти произведения отличает высоко мистическая атмосфера и экзальтированный стиль, особенно это относится к так называемым «Наставлениям».

Так, в «Наставлении о Теле Господнем» Франциск с мистическим упоением выражает веру в реальный характер таинства Евхаристии. Вера в реальность Преосуществления выражена искренне и поэтично; мир средневекового человека полон чудес и искренней в них веры как в повседневную реальность.

В «Наставлении о подражании Господу» говорится о необходимости буквально следовать заветам Христа. Франциск довел свое собственное подражание Христу до крайней степени, то есть до стигматизации. Его последователи, левые францисканцы – спиритуалы, окончательно отождествили его с Христом, а в его жизни видели второе пришествие Христа. Наставление «Об умерщвлении плоти» написано совершенно в духе «мрачного средневековья», если пользоваться известными историческими и псевдоисторическими клише. Крайний аскетизм Франциска и его последователей известен. Именно францисканцы принимали самое деятельное участие в массовом движении флагеллантов 1260 г. Францисканский орден и впоследствии подавал примеры самых беспощадных и противоестественных аскетических практик.

Заканчиваются «Наставления» на высоко мистической ноте – Франциск говорит о необходимости сохранения монахами «некоей тайны».

В «Неутвержденном уставе» звучат глубоко драматические мотивы. В особенности эмоционально написан параграф о миссионерской деятельности: «Об идущих к сарацинам и другим язычникам»; мы видим, что здесь сказался личный опыт пребывания Франциска в исламском мире: те, которые идут проповедовать христианство среди мусульман, должны сознавать, что идут на верную смерть и мучения. Здесь вспоминается дантовский образ – «la sete del martiro», жажда мученичества, владевшая Франциском и его последователями.

Послания. Из посланий Франциска лишь немногие дошли до нас. Некоторые из них лаконичны и даже фрагментарны; некоторые достаточно обширны и представляют собой отдельные произведения.

В «Послании всем христианам» с самых первых строк поражает масштаб и широта мышления Франциска: он «царственно», по выражению Данте, обращается ко «всем, населяющим вселенную», и предлагает им начать жить в соответствии с «францисканской духовностью». Впоследствии эти «светские» последователи Франциска были объединены в «светский» орден терциариев.

В таком же ключе написано и «Послание к правителям народов», обращенное ко всем сильным мира сего; такое обращение – совершенно в духе самого Франциска и францисканцев, никогда не боявшихся власти и часто бросавших ей прямой вызов. Послание возымело самые реальные последствия – многие венценосные особы средневековой Европы приняли францисканство, вступив в орден терциариев.

В «Послании брату Антонию» Франциск поручает ему начать преподавание философии в европейских университетах, но предостерегает от увлечения рациональным познанием. В этой простой и краткой, но многозначительной фразе сразу же чувствуется противопоставление рационального познания и мистического пути (именно мистика – основа францисканства), а также ощущение опасности и коварства рационального способа познания. Это характерная для Средневековья мысль о позитивности иррационального и предвидение «фаустовских» проблем.

«Рассказ об истинной и совершенной радости» – одна из самых любимых и наиболее часто цитируемых частей францисканского наследия в русской литературе второй половины XIX века, и в особенности в литературе русского декаданса. Этот совсем небольшой текст, простая, но драматическая история с неожиданным финалом, написанная чрезвычайно эмоционально и производящая большое впечатление на читателя крайним, почти болезненным духом аскетизма и мистики, – один из краеугольных камней всего мировоззрения францисканства, это радость-страдание и победа духа. На Л. Н. Толстого этот рассказ произвел неизгладимое впечатление.

Истинная радость – не в университетской учености Сорбонны, к которой Франциск всегда относился подозрительно; она не в благосклонности венценосных особ; она даже не в исполнении давней мечты Франциска – обращении в христианство исламского мира; она и не в обретении сверхъестественных способностей целительства и чудотворчества. Истинная радость – «радость – страдание» – в сохранении невозмутимости духа и уверенности в избранном пути, даже когда от тебя отрекаются твои же единомышленники и не исполняется библейское «Стучите, и отворят вам».

В Главе III «Развитие францисканской литературы в XIII столетии» рассматривается наиболее интересный и плодотворный период ее истории. Францисканские авторы обращаются к различным сферам письменной традиции: это и агиография, и теологические трактаты, и естественнонаучные сочинения, и, конечно, поэзия. Все эти многочисленные и разнообразные тексты объединяет чувство новизны и изменения, духовная радость, интерес к миру, вера в то, что для всего человечества с приходом в мир Франциска Ассизского начинается «новая жизнь».

Итак, помимо произведений самого Франциска, в XIII веке францисканская литература включает в себя огромное количество самых разнообразных текстов: это и официальная житийная литература (Томмазо да Челано, Бонавентура), и так называемая «цветочная» литература, более близкая к народной традиции; это и исторические хроники (Анжело Кларено, Салимбене), теологическая литература (Бонавентура), научная литература (Дунс Скотт, Роджер Бэкон, Уильям Оккам), мистическая литература (Раймунд Луллий, Анджела да Фолиньо), проповеди (Антоний Падуанский, Бертольд Регенсбургский), эпистолярная литература (Клара Ассизская), рассказы о путешествиях (Джованни Плато Карпини, Бартоломео да Кремона), поэзия (Якопоне да Тоди).

В параграфе «Проблемы изучения агиографии: «легенды» и «цветочная литература» рассматриваются францисканские жизнеописания; это официальные жизнеописания («легенды»), народная «цветочная» литература, а также рассказы о Франциске, содержащиеся в исторических хрониках.

Один из самых ярких образов Франциска Ассизского запечатлен пером его сподвижника, ученика и первого официального биографа Томмазо да Челано. Основная идея его произведений – «францисканская новизна», при этом Франциск предстает как «новый человек», обновивший мир; автор

воспринимает Франциска и как носителя принципиально нового восприятия мира, и как его преобразователя. Здесь, как нигде, присутствует пафос францисканского движения – идея духовного возрождения мира. Челано, говоря о Франциске, постоянно употребляет выражения «новая жизнь», «святая новизна», «обновление», «новый дух» и «новый порядок», называет его «новым евангелистом», отмеченным «новизной чуда» (имеется в виду явление стигматизации, действительно новое для истории религии). При этом Челано подчеркивает и новое позитивное мировосприятие Франциска – его радость и веселье («*indicibile letizia*»), его бесстрашие, уверенность в правоте избранного пути и чувство «религиозного оптимизма», которым пронизан весь его жизненный путь.

Приблизительно одновременно с жизнеописаниями Томмазо да Челано был создан и небольшой анонимный прозаический рассказ «Мистическая свадьба блаженного Франциска с Дамой Нищетой». Рассказ написан простым языком, в очень драматичном ключе и повествует о том, как Франциск Ассизский ищет повсюду самую прекрасную даму, о которой мечтал еще в юности – Даму Нищету, и, найдя наконец ее, женится на ней. Прекраснейшая Дама Нищета описывается в куртуазных и почти эротических терминах, согласно стилистике эпохи. Интересно, что здесь бедность – не экономическая категория, а исключительно нравственное понятие. Наиболее известной является очень эмоциональная заключительная часть рассказа, где описывается свадебный пир Франциска и Дамы Нищеты. Текст имел огромное влияние на всю последующую францисканскую литературу, а также на Данте, который при работе над частями «Рая», посвященными Франциску, руководствовался этим рассказом, и, конечно, на иконографическую традицию (Джотто).

Еще одно известное жизнеописание – «Легенда трех товарищей», или «Легенда трех спутников» («*Legenda trium sociorum*»). Центральный мотив «Легенды трех товарищей» – параллели между жизнью Христа и Франциска, его уподобление Христу. В «Легенде трех товарищей» подчеркивается исключительность и «новизна» жизни Франциска – его постоянная радость, благожелательность, его любовь к пению, музыке и поэзии.

«Зеркало совершенства» («*Speculum perfectionis*»). Текст интересен с точки зрения простоты языка, разговорного и экспрессивного. Сборник содержит ценные свидетельства о начавшемся в ордене расколе, в особенности сведения о конфликте с братом Илией, фигура которого стала ассоциироваться с предательством и отступничеством.

Автором большой официальной «легенды» (биографии) Франциска Ассизского стал св. Бонавентура (Джованни Фиданца, 1217?–1274), знаменитый философ, создатель мистического учения, автор трактата «Путь души к богу». «Большая легенда» – в высшей степени художественное произведение, написанное глубоко образованным человеком и профессиональным теологом на прекрасной латыни. «Большая легенда», безусловно, выходит за рамки жанра житийной литературы, так как написана выдающимся теологом и поэтому содержит многочисленные богословские пассажи. Бонавентура представляет явление Франциска Ассизского как

закономерное развитие библейской истории. Франциск – это таинственный «ангел шестой печати» из Апокалипсиса, знаменующий своим появлением в мире конец человеческой истории и близость конца света, что в полной мере соответствовало эсхатологическим воззрениям иоакимитов и спиритуалов.

«Цветочная» литература о Франциске Ассизском. Наряду с «легендами», построенными на хронологическом принципе изложения, во францисканской литературе получил распространение новый жанр – так называемая «цветочная» литература, когда жизнеописание строится не в хронологическом порядке, а придерживается «эпизодической» схемы и составляется из разрозненных событий и анекдотов из его жизни, получивших название «цветы» (*flores*). Сам термин «цветы» принадлежит к терминологии трубадуров, сплетавших из сонетов венки во славу прекрасных дам и доблестных рыцарей. Впоследствии (уже в XIV–XV столетиях) цветочный жанр станет отличительной особенностью именно францисканской литературы.

Через несколько десятилетий после смерти основателя ордена так называемые «цветы» были собраны вместе в большой сборник рассказов, получили название «Цветочки святого Франциска Ассизского» и стали самым известным, наряду с «Гимном творениям», произведением францисканской литературы, неоднократно издаваемым и переведенным на множество языков, квинтэссенцией всей францисканской духовности. Сборник написан необыкновенно простым и одновременно поэтическим языком, благодаря чему на многие столетия стал самой известной и читаемой францисканской книгой. Именно через «цветочную литературу», в частности, через сборник «Фьоретти», Франциск пришел и на русскую землю.

Каждый сюжет «цветочной литературы» чрезвычайно известен, как, например, на первый взгляд простая история укрощения волка из Губбио, наполненная, тем не менее, глубочайшей символикой.

При этом образ Франциска здесь гораздо более индивидуализирован, ярок и естественен, чем в официальных «легендах»; это действительно литература народная и обращенная к народу.

Исторические хроники о Франциске Ассизском: здесь образ св. Франциска занял важное место. Интереснейшим произведением средневековой литературы является также «Хроника» Салимбене да Парма. Автор показывает рождение францисканского движения на широком историческом фоне; здесь мы находим историю борьбы гвельфов и гибеллинов, безумства флагеллантов, интереснейшие сведения о многих исторических деятелях своей эпохи: папе Иннокентии IV, короле Франции Людовике IX Святом, короле Иерусалимском Иоанне. Кроме того, исследователи, проводя множество параллелей между Салимбене и Данте, не раз называли «Хронику» неким «антиципированным комментарием «Божественной комедии», созданным за несколько десятилетий до появления поэмы великого флорентийца.

Фигура Франциска Ассизского присутствует и во многих документах неитальянского происхождения. Из этих хроник самой известной является большое жизнеописание Франциска, написанное французским крестоносцем Жаком де Витри, а также хроника англичанина Томаса Экклстона.

Во втором параграфе **«Ученые штудии францисканцев: основная проблематика»** рассматривается возникновение и развитие естественнонаучной литературы в ордене.

Свойственное францисканскому мировоззрению восторженное и заинтересованное отношение к миру и материи как к чудесному творению Бога не могло не стимулировать в ордене расцвет науки и научной литературы. Возникновение, быстрое развитие и распространение по всей Европе блестящей философской и естественнонаучной школы францисканского ордена не противоречило заветам основателя движения, предостерегавшего только от излишнего увлечения сухой наукой. Первая францисканская кафедра была открыта в 1236 году в Сорбонне, а затем францисканцы (конкурируя с доминиканцами) заняли ведущие кафедры в главнейших европейских университетах и, прежде всего, в Оксфорде, положив начало развитию важнейшей в истории науки Оксфордской научной школы. Это следующие францисканские ученые: Иоанн Дунс Скотт (1265–1308): философия; Роберт Гроссетест (1175–1253, ректор Оксфорда): космология, астрономия, оптика; Джон Пэккам (1240–1292, архиепископ Кентерберийский): математика, астрономия, зоология, оптика; Ричард Мидлтон (II половина XIII в.): космология); Роджер Бэкон (1210–1294): экспериментальная физика, механика и оптика, Уильям Оккам (ок.1300 – ок.1350): философия и политология.

Особое место занимает близкий к францисканским кругам Раймунд Луллий (Рамон Льюль, 1232–1316), родоначальник каталанской литературы, философ, поэт и мистик, крупнейший знаток иудейской и мусульманской философии, родоначальник европейской арабистики, основатель комбинаторного метода в математике и изобретатель первой логической машины. С его именем связано множество легенд, самая известная из которых – его предвидение открытия Америки. Последователями научных и философских воззрений Луллия в эпоху Возрождения стали Николай Кузанский и Джордано Бруно.

В третьем параграфе **«Францисканская апокалиптика: наследие Томмазо да Челано и иоахимизм»** рассматриваются апокалиптические тексты, существовавшие в литературе ордена, несмотря на мощную жизнеутверждающую основу францисканского мировоззрения, что было связано с восприятием пришествия Франциска Ассизского именно как последнего, завершающего этапа мировой истории.

Именно в рамках францисканской литературы мы встречаем самые известные произведения средневековой апокалиптики и, прежде всего, одно из самых поразительных произведений средневековой литературы – описание гибели вселенной и страшного суда «День гнева» («Dies irae»), более известное современной аудитории как «Реквием».

«День гнева» с его интонациями ужаса, ярости и безысходности представляется полной противоположностью радостному и жизнеутверждающему «Гимну творениям» Франциска Ассизского. В одном – жизнь, радость и красота, в другом – мрак и адское пламя, разрушение и смерть. Это классически средневековое произведение, неотделимое от

готических сводов соборов своего 13 столетия, несмотря на то, что после Моцарта и Верди канонический текст «Реквиема» уже практически не воспринимается вне музыки барокко и романтизма и вне его зрительного воплощения во фреске «Страшный суд» Микельанджело. «День гнева» – одно из самых ярких по силе эмоционального воздействия произведений средневековой литературы, за которым прочно утвердилось сравнение с «долгим криком ужаса» на краю пропасти, в котором за несколько десятилетий до «Божественной комедии» слышатся дантовские интонации. Завораживающая ритмика стиха, апокалиптическая картина буйства нечистой силы, интонации ужаса и безысходности вызывают в памяти третью песнь Ада Данте.

В четвертом параграфе «**Экстремальный экстазизм Якопоне да Тоди**» рассматриваются самые болезненные, экстремальные и экстазические мотивы францисканского движения, акцентированные в творчестве Якопоне да Тоди – выдающегося францисканского поэта-мистика, старшего современника Данте. Мы не имеем достоверных сведений о том, знаком ли был Данте с творчеством Якопоне да Тоди, тем не менее, близость некоторых тем, стилистики и политических взглядов обоих поэтов несомненны.

Якопоне да Тоди можно назвать готическим писателем, воплотившем все основные принципы готической эстетики и антиэстетики, певцом заоблачных высей и адских бездн, ужасов и смерти. В его творчестве зримо выражена готическая вертикаль, необузданный порыв к небу – от единения с Богом до низвержения в глубины Ада; он был одним из тех, кто из глубин падения (*De profundis*) смотрит на звезды. Еще раз отметим, что болезненные мотивы имеются и у Франциска Ассизского, но у него они побеждены гармонией его личности и восхищением красотой мира, что делает его предшественником культуры Возрождения. Якопоне же является наследником только одной, неотъемлемой, но не самой характерной стороны францисканского мировосприятия.

В пятом параграфе «**Проповедь Антония Падуанского и францисканская традиция**» рассматриваются наследие и деятельность выдающегося проповедника, теолога, преподавателя, создателя францисканских школ и организатора университетского образования Антония Падуанского, известного также под именем Фернандо Лиссабонского. Литературное наследие Антония состоит в основном из проповедей, для которых характерны продуманность и ясность изложения, каждая мысль подкреплена множеством цитат; Антоний как бы нацелен на написание учебника проповеднического искусства.

Антоний Падуанский является также и героем обширной средневековой агиографии, где он выступает как великий чудотворец. Психологический феномен чуда и жаждающая его толпа – неотъемлемая черта средневековой реальности, а состояние ожидания чуда – атрибут средневекового менталитета. Средневековая агиографическая литература изобилует чудесами, в которые безусловно верила читательская аудитория, и только много позже автору «Декамерона» пришлось в голову посмеяться над ними.

Традиция (неподтвержденная) также упорно приписывает Антонию изобретение так называемых «писем счастья», которые необходимо переписать несколько раз и разослать своим знакомым – магический обряд умножения и распространения сакрального «слова написанного», о котором говорил Франциск Ассизский. Вообще в агиографии Антония Падуанского особо чувствуется элемент архаической магии, свойственной средневековой форме религиозности.

В шестом параграфе «Литературное наследие Клары Ассизской и Анжелы да Фолиньо в свете современной медиевистики» рассматриваются две самых ярких представительницы францисканского движения, в определенном плане антиподов – Клара Ассизская и Агнесса да Фолиньо. Как известно, адекватно рассуждать о женщине средневековья нелегко, так как источники, говорившие о положении женщины в средние века, строго ограничены и полярны по своим установкам – это или церковь с ее традиционным антифеминизмом, или аристократия с культом женщины как высшего существа. Для средневековой литературы свойственны как полумистическое поклонение женщине, так и аскетическая ненависть к ней.

Именно поэтому личность и наследие св. Клары Ассизской (1194–1253) изучена гораздо слабее, чем личность и наследие ее духовного отца св. Франциска Ассизского, и ее образ в большей степени окутан легендами. Интерес к личности Клары возобновился только в последние годы в связи с развитием гендерных исследований.

При изучении литературного наследия Клары создается впечатление, что Клара видит и воспринимает мир совершенно не так, как сам Франциск, – у нее еще более жизнеутверждающее и оптимистическое жизнеощущение. Тексты Клары наполнены духом радости, борьбы и бесстрашием. В ее произведениях нет и намек на жертвенность, упоение страданием, женскую слабость. Все они написаны в состоянии радости, надежды и уверенности в собственной правоте. Клара, в противоположность Франциску – цельная натура со здоровой психикой, всю жизнь занимавшая активную жизненную позицию и постоянно боровшаяся с противниками ее идеалов. Она пишет и ведет себя как представительница высших классов, она уверена в себе и не ищет ни у кого защиты и покровительства.

Эпистолярное наследие Клары написано в едином «куртуазном» стиле – именно так обращался и сам Франциск к Кларе и монахиням ее монастыря. По отношению к Кларе Франциск всегда поступал как истинный рыцарь; даже романтическая история бегства Клары с помощью Франциска из родительского дома со всеми погонями и приключениями, о которой вспоминает Клара в своих письмах, чрезвычайно напоминает эпизод из рыцарского романа, с той лишь разницей, что героиня в этом случае убегает из родительского дома не ради земного, а ради небесного жениха.

Все послания Клары написаны в едином мистическом ключе с использованием традиционных для средневековой литературы мистических образов, в крайне эмоциональной тональности. Литературные истоки – в первую очередь «Песнь песней» – отправная точка всех христианских мистиков

Средневековья, а также литература цистерцианского ордена, в особенности произведения Бернарда Клервоского. Письма Клары можно назвать своеобразной «женской литературой» Средневековья. И религиозный порыв, и сама тема мистического брака выливаются в очень личные, индивидуальные отношения с Христом. Такой индивидуалистический подход к религии типичен для литературы женских монастырей и встречается также в наследии Хильдегарды Бингенской, Матильды Магдебургской и др.

Литературное наследие Клары, несмотря на плохую сохранность и фрагментарность, всё же представляет собой новый шаг в осмыслении самоценности женского начала и новой роли женщины в духовной культуре. Клара, наравне с Франциском, справедливо считается основателем францисканского движения и выразителем францисканского менталитета в его специфически женской форме. Всё же, следует заметить, что в женском средневековом францисканстве существовали (конечно, они были скорее в виде исключения) и другие, не такие здоровые и жизнерадостные формы религиозности, примером чего является литературное наследие ее младшей современницы Анжелы да Фолиньо (1248–1309), фигуры чрезвычайно странной, своеобразной и вообще маргинальной.

Анжела да Фолиньо – современница Якопоне да Тоди, очень близкая ему по изломанности и болезненности сознания, по странному стилю поведения, по трагическому восприятию жизни и по пониманию святости как божественного безумия, духовный вождь оппозиционных спиритуалов. История ее экстатических состояний, отличавшихся предельно сильными страстями, описана в удивительной «Книге видений Леллы», а также в других произведениях глубоко личного характера. Жизнеописание Анжелы, написанное ее секретарем и учеником Арнольдом («Мемориал»), является интересным источником для понимания психологии движения спиритуалов, в особенности ее мистической составляющей, а также специфической атмосферы полуеретической Умбрии.

Анжела, не получившая практически никакого образования (скорее всего, она была даже неграмотна, как большинство женщин ее времени), описывает свои видения в крайне простой, но эмоциональной стилистике. Тем не менее, с теологической точки зрения ее концепция приближается к самому архаичному стихийному пантеизму; для нее поистине весь мир полон Богом, мир и есть сам Бог. Но радость соединения с Богом у Анжелы имеет противоречивый «францисканский» оттенок – это радость-страдание, безмерная мука, и телесная и духовная, описанная ее современником Якопоне да Тоди. Но Анжела идет дальше: в описании ее экстазов и аскетических практик четко прослеживается не только явно эротическая, но и очень сильная садо-мазохистская и даже некрофильская составляющая. Анжела пишет и о том, что постоянно слышит различные «божественные голоса» (что не так уж странно для мистически настроенной личности, ведущей самый аскетический образ жизни); тем не менее, сама Анжела постоянно сомневается, что с ней говорит Бог, а не некие темные силы.

Мистика Анжелы да Фолиньо, особо маргинальная и экстремальная, близкая к безумию, является характерной для Италии XIII века (вспомним еще один пример – мистическую поэзию ее современника Якопоне да Тоди).

В седьмом параграфе **«Современное состояние изучения вопроса «Францисканство и ислам»** рассматривается большой пласт текстов, связанных с одним из самых известных и драматических эпизодов жизни Франциска Ассизского – с его путешествием на исламский Восток, участием в Крестовом походе и встречей с султаном Египта Маликом аль-Камилем.

Характерно, что каждый средневековый автор по-своему расставляет акценты в этой истории.

Автор хроник Крестовых походов Жак де Витри представляет этот эпизод как сцену укрощения святым свирепого разбойника – султан (в изображении автора это кровожадное чудовище) остановится кротким и послушным, как только видит Франциска Ассизского (агиографический «топос»), и внимательно его выслушивает.

В другой хронике этого же времени, известной под названием «Хроника Эрнуля и Бернардо Тезорьере» (1227–1229), авторы подчеркивают «куртуазный» аспект: султан и Франциск – это достойные противники, ведущие себя в соответствии с правилами рыцарской чести.

Томмазо да Челано, описывая встречу, ставит акцент на Франциске как на «новом человеке» («*homo novus*»), отличающемся от других (вспомним о давней францисканской идее «Франциск – второе явление Христа»). Он выделяет его качества как святого и богоизбранного подвижника: красноречие и способность воздействовать на слушателей, пророческий дар (Франциск предсказывает крестоносцам поражение), неустрашимость, жажду мученичества.

Известный латиноязычный поэт Анри д'Авранш написал настоящую эпическую поэму о Франциске 1232–1234. В изображении д'Авранша Франциск Ассизский – это настоящий эпический герой с чертами одновременно и Роланда, и рыцарей Круглого стола, и Энея.

Для великого мистика Бонавентуры, горячего противника рационального начала, главная мотивация действий Франциска находится вне логики и вне разума. Франциском движет огонь божественной любви, стремление повторить путь Христа и страстное желание мученического венца.

Непримиримый вождь спиритуалов Анджело Кларено в своем резко полемическом трактате «История семи бедствий ордена миноритов» 1326 года также подробно описывает путешествие Франциска, но уже в совершенно другом ключе: Восток остается исламским из-за происков самого Сатаны.

Автор сборника историй из жизни францисканцев Уголино да Монтегригио создает почти романизованную повесть о приключениях Франциска на чудесном Востоке в стилистике рыцарских романов. Это образ исламского мира, рожденный рыцарскими романами, которыми зачитывался молодой Франциск, – чудесный загадочный Восток сказок «Тысячи и одной ночи».

Путешествие Франциска на Восток описывает и Данте, посвятивший Франциску Ассизскому две песни «Рая». Франциск Ассизский – один из наиболее ярких образов «Комедии». Данте, хорошо знакомый с различными аспектами арабской культуры, ставит акцент на стигматизации Франциска, произошедшей после возвращения с Востока.

Последующие столетия также продолжали дискутировать по поводу этой странной истории и трактовать ее в соответствии со своими идеологическими запросами и мотивациями. Сам Франциск Ассизский, его последователи, а также история его восточного путешествия становятся мишенью самой жесткой критики со стороны лидеров Реформации, в особенности Лютера, а затем и Просвещения и, прежде всего, Вольтера.

В эпоху Романтизма положение опять изменилось – Средневековье с его рыцарями, монахами и Крестовыми походами вошло в моду. Шатобриан отзывается о Франциске и его последователях с большой теплотой. Вслед за Шатобрианом историк Ж. Ф. Мишо в многотомной «Истории Крестовых походов» 1812–1838 пишет о положительных политических и культурных последствиях Крестовых походов.

В XX веке эта тема продолжает привлекать писателей разных жанров; появляется даже ряд романов о восточных приключениях ассизского святого. В XX веке Франциск вызывает интерес и у исламских авторов: особый интерес представляет возбудившее полемику и критику исследование Идрис Шаха о суфизме, в котором автор пытается доказать, что поэзия Франциска имеет явное суфийское происхождение.

Взрыв эмоций и поток публикаций в прессе после 11 сентября 2001 года показали, что вновь имя и слово Франциска Ассизского находятся с самой гуще событий. Немногим меньше чем через месяц после трагедии в Нью-Йорке, когда мировая пресса захлебывается от горя и возмущения, в итальянской газете «Корьере делла сера» появляется нашумевшая статья известного журналиста Тициано Терцани «Султан и святой Франциск», в которой автор предостерегает Запад, охваченный ненавистью к Востоку, от нового Крестового похода.

Итак, история 800-летней давности продолжает занимать умы и представлять в различных литературных вариантах и идеологических трактовках. Начиная с первой трети XIII века вплоть до нашего времени история восточного путешествия Франциска вызывает непрекращающуюся дискуссию о его целях, непосредственных результатах, далеко идущих последствиях и уроках, которые могла бы из него извлечь современная Европа. При этом каждая эпоха ищет ответы на собственные вопросы, касающиеся одной из самых жгучих проблем как древности, так и современности: взаимоотношения западной и восточной цивилизаций.

В восьмом параграфе **«Вопрос о доминиканской литературе во францисканистике»** проводится сопоставление литературных традиций двух соперничающих орденов.

Литература доминиканского ордена развивалась одновременно и во взаимодействии и, конечно, в довольно жестком соперничестве с литературой

францисканского ордена. В ней гораздо меньше развита поэтическая тенденция, что и понятно, так как доминиканский орден занимался в первую очередь укреплением догматики и ее защитой от различных ересей. Тем не менее, и доминиканцы внесли определенный вклад в развитие религиозной литературы. Если говорить о количественном аспекте, то в большей степени доминиканский орден проявил себя в прозе – в агиографии и историографии, в искусстве проповеди, хотя, надо отметить, что и в этой области доминиканская литература хотя и идет за францисканской, все же уступает ей.

Расцвет доминиканской литературы произошел несколько позже расцвета литературы францисканского ордена; в последующие эпохи в ордене появились такие выдающиеся проповедники, как Савонарола (1452–1498), теолог и энциклопедист Винсент из Бове (1190–1264), мистики – Екатерина Сиенская (1347–1389), Генрих Сузо (1295/1297–1366), теолог и мистик Майстер Экхарт (1260–1328), проповедник и мистик Иоганн Таулер (1300–1361), ученые – Альберт Великий (1193–1280), Фома Аквинский (1225/1226–1274), Джордано Бруно (1548–1600), выдающийся испанский мистик и теолог Луис де Гранада, испанский поэт и мистик Луис де Леон, писатель-утопист Томмазо Кампанелла, автор знаменитого «Молота ведьм» Якоб Шпренгер и, конечно, ярчайшая фигура испанской истории – первый великий инквизитор Испании Томас Торквемада (1420–1498).

Доминиканская литература представляет собой несомненный интерес как явление средневековой культуры, но она не может рассматриваться в качестве единого целого, в противоположность францисканской литературе в том смысле, что в ней отсутствует объединяющая идея и, самое главное, объединяющая фигура (Франциск). Это всего лишь набор текстов различных авторов, принадлежащих к доминиканскому ордену и написанных под явным влиянием францисканской литературы, ставшей основной направляющей в религиозной литературе эпохи.

В девятом параграфе **«Францисканские образы в наследии Данте»** рассматриваются многочисленные параллели между дантовскими и францисканскими текстами и анализируются причины появления сходных образов и идей.

Прежде всего, достаточно многочисленны свидетельства непосредственной принадлежности Данте к светскому францисканскому ордену терциариев, к которому поэт тяготел и политически (партия гибеллинов).

Франциск Ассизский – одна из самых поэтических и запоминающихся фигур «Божественной комедии». Ни один из христианских подвижников не удостоился у Данте строк, наполненных такой любовью и восхищением, как Франциск. Данте посвящает две песни «Рая» Франциску – XI и XII, для «Божественной комедии», столь наполненной образами, это уже очень много. Ассизи, родной город Франциска, Данте называет Востоком, так как именно там возшло «новое солнце», озарившее мир после того, как он более тысячелетия, то есть со дня смерти Иисуса, пребывал во мраке. Данте пишет, что современная церковь, погрязшая в пороках и стяжательстве, обязана тем,

что еще существует, только нравственному подвигу Франциска, «сиянию ясной его мудрости». Данте считал св. Франциска наиболее близким из всех святых к самому Иисусу Христу непосредственно после Иоанна Предтечи: в Рае он ставит его выше и докторов церкви, и основателей других религиозных орденов, которые по времени ему предшествовали (св. Августин и св. Бенедикт).

Во францисканских жизнеописаниях Франциск предстает как укротитель и усмиритель волка, образ которого, безусловно, имеет глубоко символическое значение; одно из самых известных чудовищ дантовского потустороннего мира – адская волчица Алчность, преграждающую поэту путь к высотам рая.

Очевидна жанровая близость и ранней повести «Новая жизнь» Данте к францисканским жизнеописаниям, написанной по агиографической модели «легенды о св. Беатриче». В «Новой жизни» обнаруживается также ряд образных параллелей с францисканской агиографической литературой. Это, прежде всего, известные дантовские строки о тайне имени Беатриче (Беатриче – благодатная), которые представляются прямой реминисценцией из францисканских текстов. Это и нумерология – жизнь Беатриче, как и жизнь францисканских праведниц, управляется числами девять и три. Некоторые образы сцены смерти Беатриче вызывают в памяти традиционные во францисканской агиографической литературе сцены праведной кончины святого, в особенности беспокойный полет птиц вокруг его одра. Данте усиливает драматизм картины, используя библейские образы: в момент смерти Беатриче птицы падают на лету мертвыми.

Но было бы односторонне сводить восприятие Данте францисканских идей исключительно к экономике (идее бедности и неприятия власти денег), философии (апокалиптическое восприятие истории), политике (партия гибеллинов) и влиянию образов францисканской агиографии. Данте, без сомнения, привлекала именно сама личность Франциска и мощное исходившее от него эстетическое и поэтическое начало.

Наиболее близкой Данте оказалась основополагающая идея францисканского движения – идея всеобщего обновления, веры в то, что для всего человечества начинается «новая жизнь», обновление и очищение на основе высших духовных ценностей.

В Заключении подводятся итоги исследования. Именно францисканская литература, отразив в полной мере напряженные духовные искания человека Высокого Средневековья, стала высшей точкой развития средневековой религиозной литературы. При этом в текстах Франциска Ассизского и его последователей содержатся и основы принципиально нового мировоззрения, которое зиждется на позитивной оценке человека и всего материального мира. Намечаются также перспективы дальнейших исследований и углубления проблематики, прежде всего, касающиеся влияния францисканских образов на мировую литературу.

Основные положения диссертации отражены в 54 публикациях:

Монографии

1. Франциск Ассизский и его наследие: от истоков к современности. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. — 176 с.
2. Под сводами Средневековья: Франциск Ассизский. — СПб.: Изд-во РХГА, 2013. — 384 с.

Антология

3. Данте: Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей / Сост., вступит. ст., коммент. М. С. Самариной, И. Ю. Шауба. — СПб.: Изд-во РХГА, 2011. — 976 с. — (Русский путь).

Научные статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных периодических изданиях:

4. Апокалиптические мотивы в итальянской литературе XII–XIV веков // Древняя и Новая Романия. Вып. 6. Романское языкознание и национальные филологии. Межвузовский сборник / Отв. ред. проф. Е. М. Чекалина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 43–50.
5. Франциск Ассизский в русской критике XIX–XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2007. Вып. 3. Ч. I. С. 9–14.
6. Францисканские рукописи эпохи Крестовых походов: встреча Франциска Ассизского с султаном Египта // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2007. Вып. 3. Ч. II. С. 78–84.
7. Из истории средневековой науки: алхимические тексты Фомы Аквинского // История науки и техники. 2007. № 12. С. 48–53.
8. «Гимн творений» Франциска Ассизского в контексте культуры средневековья // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 2. 2007. Вып. 1. С. 180–192.
9. Поэтическое наследие Франциска Ассизского: проблемы изучения *Laudes dei altissimi* // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2008. Вып. 2. Ч. 2. С. 56–60.
10. Проблемы прозаического наследия Франциска Ассизского // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2008. Вып. 3. С. 100–105.
11. Данте и францисканская литература // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2008. Вып. 4. Ч. 2. С. 51–56.
12. Проблемы литературного наследия Томмазо да Челано // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2009. Вып. 3. С. 100–104.
13. «Рассказ об истинной и совершенной радости» Франциска Ассизского // Древняя и Новая Романия. Вып. 8. Актуальные проблемы италянистики. Межвузовский сборник к 60-летию итальянского отделения / Под ред. проф. М. А. Марусенко. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2010. С. 209–216.
14. Путешествие на Восток Франциска Ассизского: литературные отзвуки через столетия // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2011. Вып. 1. С. 23–26.
15. Символика волка в культуре: от капитолийской волчицы до волка Франциска Ассизского // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 4. Т. 2: Философия. С. 216–223.

16. День гнева: францисканцы и апокалиптика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 3. Т. 2. Философия. С. 227–234.

17. Развитие францисканской литературы в XIII–XIV столетии: путь к Данте // Древняя и Новая Романия. Межвузовский сборник. Т. 13. 2013. № 2. С. 376–378.

18. Антоний Падуанский в литературе средневековья: персонаж и автор // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2013. Вып. 4. С. 19–24.

19. Францисканская философская литература: «homo novus» и обновление мира // Вестник Санкт-Петербургского университета: Сер. 9. 2014. Вып. 1. С. 79–84.

Научные статьи в других изданиях

20. «Книга о миллионе» Марко Поло: история создания // Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 6. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 3–6.

21. «Готическое» в литературном наследии Бернарда Клервоского // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. С. 57–61.

22. «День гнева» Томмазо да Челано как памятник иоахимитской литературы XIII века // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 20. Ч. I. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 3–6.

23. Послания св. Кьяры Ассизской // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. С. 81–86.

24. Письмо Франциска Ассизского Антонию Падуанскому мистика и рационализм францисканства. // Итальянский сборник / Научн. ред. В. В. Селиванов. СПб., 2000. № 4. С. 19–26.

25. Личность Антония Падуанского в средневековой агиографической литературе // Мир Лузофонии. Центр португало-бразильских исследований. Материалы международной научной конференции 15–17 октября 1998 г. / Отв. ред. Б. Н. Комиссаров. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 247–254.

26. Франциск Ассизский и культура средневековой Франции // Итальянский сборник. СПб., 2001. № 5. С. 15–24.

27. «Гимн творений» Франциска Ассизского: проблемы языка и стиля // Вопросы филологии / Под ред. проф. Е. А. Зачевского. СПб.: С.-Петербур. гос. техн. ун-т, 2001. Вып. 7. С. 94–102.

28. Проблемы атрибуции текстов Франциска Ассизского // Вопросы филологии / Под ред. проф. Е. А. Зачевского. СПб.: С.-Петербур. гос. техн. ун-т, 2001. Вып. 7. С. 207–210.

29. Проблема авторства в средневековой литературе и наследие Франциска Ассизского // Материалы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 15. Ч. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 28–31.

30. Les problèmes de la renaissance religieuse à la fin du Moyen-Âge // *Le Porche. Bulletin de l'association des amis du Centre Jeanne d'Arc — Charles Péguy de Saint-Petersbourg*. 2002. № 9. P. 27–35.
31. Данте и готика // *Дантовские чтения*. М.: Наука, 2002. С. 151–157.
32. Иоахим Флорский и францисканство // *Итальянский сборник*. СПб., 2002. № 6. С. 5–17.
33. Франциск Ассизский и францисканский орден // *Studio*. 2002. № 3–4. С. 28–36.
34. Эти загадочные этруски // *Studio*. 2003. С. 34–39.
35. «Гимн творений» Франциска Ассизского как документ эпохи / М. С. Самарина, И. Ю. Шауб // *Итальянский сборник*. СПб., 2003. № 7. С. 28–51.
36. Франциск Ассизский и литература Серебряного века // *Итальянский сборник*. СПб., 2003. № 7. С. 194–209.
37. Некоторые вопросы перевода «Гимна творениям» Франциска Ассизского на русский язык // *Материалы V международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения»*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 71–75.
38. San Francesco d'Assisi e San Pietroburgo // *Firenze e San Pietroburgo. Due culture si confrontano e si dialogano tra loro. Atti del Convegno / A cura di A. Alberti e S. Pavan*. Firenze, 2003. P. 43–52.
39. Франциск Ассизский и Дон Кихот Ламанчский // *Iberica: К 400-летию романа Сервантеса «Дон Кихот»* / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2005. С. 153–162.
40. Клара Ассизская // *Итальянский сборник*. СПб., 2005. № 8. С. 29–35.
41. Исламский Восток во францисканских текстах XIII века // *Зарубежная литература. Проблемы метода*. Вып. 6. Художественный текст: структура и поэтика. Межвузовский сборник / Под ред. И. П. Куприяновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. С. 3–14.
42. Переписка Клары Ассизской и Агнессы Пражской как документ эпохи // *Свеча. Религия и личность в прошлом и настоящем*. 2005. Т. 12. Владимир; М.: Издательство Владимирского государственного университета, 2005. С. 90–95.
43. Неизвестный Аквинат: поэт и мистик // *Итальянский сборник*. СПб. 2006. № 9. С. 23–33.
44. Трактат о тамплиерах Бернарда Клервоского: идеологическое обоснование религиозных войн // *Материалы XXXV межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 4. Французские чтения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 20–24.
45. Судьбы средиземноморских бродячих сюжетов в средневековой литературе юга Италии // *Материалы XXXV межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 20. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 62–64.
46. Краткий очерк истории изучения наследия Франциска Ассизского // *Итальянский сборник*. СПб., 2007. № 10. С. 18–30.

47. Литературное наследие Галилея // Материалы XXXVI международной филологической конференции. Вып. 8. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. С. 150–152.

48. Франциск Ассизский и его эпоха // Францисканские чтения. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 65–73.

49. Космос Франциска Ассизского // Материалы XXXVII международной филологической конференции. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. С. 125–128.

50. Франциск Ассизский: исторический портрет // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007)» / Под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибяева. СПб., 2009. С. 37–48.

51. Ave Maria: формирование канонического текста в литературе францисканского ордена // Материалы XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г. История зарубежных литератур: литературный канон и его преодоление. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 77–81.

52. Францисканский орден и женщины средневековья // Материалы Всероссийской научной конференции «Италия и Европа», посвященной 100-летию со дня рождения член.-корр. АН СССР В. И. Рутенбурга. Ноябрь 2011. СПб.: ИИРАН, 2013. С. 61–75.

53. Dante Pro et Contra. Personalità e rettaggio dantesco nella valutazione dei pensatori, scrittori e studiosi russi // Natura e archetipi. Seminario scientifico. Assisi, 2012. P. 10–15.

54. Dante Alighieri, l'idea di impero e la letteratura russa. Una breve riflessione // Russia, l'Impero. Saggi di storia e cultura. A cura di Francesco Randazzo. Libellula edizioni, 2014. P. 275–280.

Самарина Марина Сергеевна

**Францисканская литература периода «Начал»
в контексте культуры Средневековья (XIII в.)**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать _____

Тираж 100 экз.

Отдел новых учебных технологий СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11